DOI: 10.53737/2713-2021.2025.85.95.016

Дж.Я. Ильясов

ДЕКОР ТАРНОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ В ПЕРИОД КАНИШКИ I (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА КАМПЫРТЕПА)*

На Кампыртепа, расположенном на юге Узбекистана, найдено множество артефактов, позволяющих изучать материальную и духовную культуру Бактрии эпохи Кушан. Это высококачественная керамика, терракотовые фигурки, резная кость, художественный металл и т.д. Городище представляет собой крепость на переправе через Окс / Амударью, покинутую не позже времени правления царя царей Канишки I, поэтому находки из верхнего слоя дают четкую хронологическую привязку — вторая четверть II в. н.э. В статье публикуются материалы, характеризующие декор крупной тарной посуды данного периода, и интересные с точки зрения изучения глиптики и сфрагистики, владельческих знаков и искусства эпохи «Великих Кушан».

Ключевые слова: Бактрия, Канишка I, тарная посуда, оттиски печатей, штампы, тамги, надписи, рисунки.

Сведения об авторе: Ильясов Джангар Явдатович, кандидат искусствоведения, заведующий Отделом истории искусств Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан.

Контактная информация: 100029, Узбекистан, г. Ташкент, Площадь Мустакиллик, 2, e-mail: ilyasovjangar@gmail.com.

D.Ya. Ilyasov

DECORATION OF TARE POTTERY DURING THE PERIOD OF KANISHKA I (BASED ON THE MATERIALS OF THE KAMPYRTEPA ARCHAEOLOGICAL SITE)

At Kampyrtepa, located in the south of Uzbekistan, many artifacts have been found, allowing us to study the material and spiritual culture of Bactria of the Kushan era. These are high-quality ceramics, terracotta figurines, carved bone, metalwork, etc. The site is a fortress at the crossing of the Oxus / Amudarya, abandoned no later than the reign of King of Kings Kanishka I, so the finds from the upper layer give a clear chronological reference — the second quarter of the 2nd century CE. The article publishes materials characterizing the decoration of large storage jars of this period, and interesting from the point of view of studying glyptics and sphragistics, owner's marks and art of the epoch of “Great Kushans”.

Key words: Bactria, Kanishka I, tare ware, seal impressions, stamps, tamgas, inscriptions, drawings.

About the author: Ilyasov Djangar Yavdatovich, Candidate of Art History, Head of the Department of Art History of the Institute of Art Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Contact information: 100029, Uzbekistan, Tashkent, 2 Mustaqillik Square, e-mail: ilyasovjangar@gmail.com.

Введение

В ходе археологических раскопок на городище Кампыртепа в Музрабадском районе Сурхандарьинской области, в так называемом «*шахристане»* или Нижнем городе[1], была выявлена плотная жилая застройка. Изолированные друг от друга глухими стенами кварталы

* Статья поступила в номер 20 апреля 2025 г.
Принята к печати 11 мая 2025 г.

© Дж.Я. Ильясов, 2025.

формировались вокруг центральной оси, каковой являлся узкий переулок, соединявший «военную улицу», тянущуюся по периметру крепости вдоль оборонительной стены, и «центральную улицу», окружавшую «цитадель». Кварталы включали отдельные домовладения, состоявшие из однокомнатных, двухкомнатных, трехкомнатных и четырехкомнатных жилых секций. Домовладения имели выходы в переулок, в некоторых случаях выход был на военную или центральную улицы. Однокомнатные секции, как правило, имели выход в переулок и были, видимо, торговыми лавками. Практически в каждом из двух-, трех- и четырехкомнатных домов одна из комнат использовалась в качестве хранилища, то есть в этой комнате были вкопаны в пол или установлены на полу вдоль стен крупные керамические сосуды — корчаги. Они встречаются и в других помещениях. В среднеазиатской археологии такие сосуды принято называть «*хум*» и «*хумча*», а помещения для их хранения — «*хумхана*». В хумах и хумчах хранились вода, вино, сыпучие продукты, например, зерно, мука, возможно, сухофрукты, вяленое мясо, и т.п.[2] В принципе, в хумах могли хранить и любые другие вещества, предметы и изделия, поскольку плотно закрытый толстой керамической крышкой хум эффективно предохранял содержимое от загрязнения, сырости, грызунов, и т.д.

Несмотря на сугубо утилитарное назначение хумов, которые десятками и сотнями, целыми и разбитыми, встречаются на любом из среднеазиатских городищ, среди них изредка встречаются декорированные экземпляры. Они могут быть украшены либо оттисками печатей на венчике или тулове, либо знаками, вырезанными до обжига на плечике, либо не всегда понятными знаками или рисунками, процарапанными после обжига или нанесенными черной тушью, либо штампами и декоративной резьбой, либо потеками ангоба[3].

Не претендуя на полный обзор имеющихся в Бактрии находок, автор рассмотрел лишь материалы с одного городища, расположенного на самом юге Узбекистана — Кампыртепа. Эти находки, помимо прочего, показательны с точки зрения датировки. Как известно, крепость Кампыртепа, построенная для охраны и обслуживания одной из переправ через Окс/Амударью, была покинута в период правления царя царей Канишки I или сразу же по завершении его правления (Ртвеладзе 2001: 11). В результате научных дискуссий, длившихся многие десятилетия, большинство ученых, занимающихся кушанской историей и археологией, согласилось с тем, что так называемая «начальная дата Канишки» приходится на 127 г. н.э. Правление его длилось до 150 г. н.э., таким образом получается, что крепость на переправе, руины которой известны сейчас под названием Кампыртепа, была оставлена жителями между 127 и 150 гг. н.э., и судя по обилию монет Канишки, найденных на городище (более сотни экземпляров), ближе к концу этого периода. Соответственно, материалы из кроющего слоя крепости датируются в пределах второй четверти II в. н.э. В археологии Средней Азии античного периода такие узкие датировки — явление довольно редкое. Таким образом, рассматриваемые нами в данной публикации материалы могут служить надежным ориентиром для датировки находок из других археологических памятников Северной и Южной Бактрии.

Оттиски печатей

Рассмотрение декора хумов и хумчей Кампыртепа начнем с оттисков печатей. Как указано выше, печати оттискивали по сырой глине, как правило, снаружи на венчиках хумов[4], реже на

[1] Э.В. Ртвеладзе (1942—2022), начальник Тохаристанской археологической экспедиции, открывший Кампыртепа в 1972 г. и много лет возглавлявший его исследования, называл эту часть городища «верхним городом» (Ртвеладзе 2005: 190; 2012: 199), хотя в ряде публикаций территория жилой застройки вокруг «цитадели» именуется «нижним городом» (Болелов 2005: 71; 2006: 15; Ильясов 2006: 73). По Э.В. Ртвеладзе «нижним городом» являлась пристань, располагавшаяся к востоку от крепости (Ртвеладзе 2005: 190; 2012: 200).

[2] В среднеазиатской археологии давно назрела необходимость в изучении, с применением новейших методик, следов содержимого керамических сосудов.

[3] Оттиски печатей и штампов встречаются на кувшинах и других видах сосудов, но в данной статье мы рассматриваем только декор крупной тарной посуды.

[4] Иногда печати ставили на внутренней стороне венчика. Например, Ш.Р. Пидаев опубликовал фрагмент хума, который был найден при раскопках монументального монастырского комплекса на Северном холме

тулове. Оттиск на венчике мог быть один, иногда их было два или три. Когда нанесены два оттиска, это, как правило, оттиски двух разных печатей, проставленных вблизи друг от друга. На Кампыртепа нам известно два подобных образца. В двух случаях на венчик нанесены три оттиска; один их таких хумов несет отпечатки одной и той же печати с изображением всадника (опубликованы только невысокого качества прорисовки (Цепова 2000а: 113, рис. 5: 14; 2001: 101, табл. 4: 12). Относительно другого хума, на венчике которого трижды оттиснута печать, а на плече вырезана тамга в виде греческой буквы альфа (найден автором в пом. 16 квартала Ж, расположенного в северо-западной части крепости, на участке, примыкающем к крепостной стене между башнями 8 и 9), из-за плохого качества оттисков мы не можем, к сожалению, сказать ни о том, что именно на них изображено, ни о том, сделаны ли они с одной печати, или это оттиски трех разных печатей. Все печати имели углубленные изображения, поэтому все публикуемые здесь оттиски — рельефные.

Встречаются оттиски, сделанные не на венчике, а на стенке хума. С Кампыртепа нам пока известен лишь один пример. Фрагмент красноглиняного сосуда найден в ходе раскопок крепостных стен Кампыртепа, проводившихся летом 2012 г. (Ильясов и др. 2016), в заполнении «военной улицы». На оттиске круглой формы диаметром 24 мм изображен рычащий лев, обращенный вправо (рис. 1). Четко показана его раскрытая пасть, грива, четыре когтистые лапы и поднятый вверх хвост с кисточкой.

При раскопках автора в квартале Ж, были найдены фрагменты двух хумов, на венчике которых оттиснута одна и та же печать с изображением оленя, бегущего или прыгающего вправо (рис. 2, 3). По кругу идет обрамление из треугольников; передние ноги оленя показаны подогнутыми, задние отталкиваются от земли, перед оленем — растение в виде «ёлочки». Диаметр оттисков 26 × 25 мм. Мощные ветвистые рога указывают, что изображен, скорее всего, местный подвид благородного оленя — бухарский олень (*Cervus elaphus bactrianus Lydekker, на узбекском языке — хонгул/xongul*), типичный обитатель среднеазиатских и казахстанских тугайных лесов. Эта разновидность оленя во множестве обитала в пойме Амударьи; в настоящее время небольшие их популяции сохранились в заповедниках, а также в закрытой приграничной зоне вдоль реки вблизи от Кампыртепа.

У древних народов Евразии существовали представления о золотом космическом олене, ассоциировавшемся с солнцем. В частности, в мифологических представлениях скифо-сако-сарматских племен олень занимал очень важное место, если судить по так называемому «искусству звериного стиля» (Акишев 1984: 39—40; Farkas 2000: 6—8). Древние не могли не заметить очевидного сходства между ежегодным весенним возрождением растительного мира и природным свойством взрослых оленей-самцов, у которых каждый год на голове заново отрастают своего рода ветвистые «деревья», служащие им для осенних ожесточенных битв за обладание гаремом из самок и отпадающие за ненадобностью в марте-апреле (Красная книга 1983: 35—36). Отметим, кстати, что на печати, которой выполнены рассматриваемые оттиски, зримо представлены рядом и ветвистые рога, и древо. Почитание этого животного неудивительно, и не зря, видимо, некий житель кушанской крепости заказал для своей печати образ оленя. Отметим, что в том же помещении квартала Ж — помещении 16 — автором в 2012 г. была найдена квадратная керамическая печать с рельефным изображением оленя (Ильясов 2013: 128—132, рис. 2, 3; Ильясов 2016: 17, рис. 3; Ilyasov, Bolelov 2023: 394, Kat.-Nr. 290) (рис. 4). А это уже наводит на мысль о том, что для жителя данного домовладения

буддийского центра Каратепа в Старом Термезе. На печати очень насыщенное деталями изображение, которое он интерпретирует как идеализированный портрет правителя. В левой руке правитель держит птицу (орла?), в правой — отрубленную голову, по правую руку от него трезубец, а по левую — трилистник (Пидаев 2013: 57—59, рис. 1: 1). Не исключено, однако, что в правой согнутой в локте руке персонаж держит не голову, которую было бы трудно держать за волосы на затылке, как на данном оттиске, а щит с лицевым изображением, наподобие того щита, что держит богиня Ришто/Арштат (для воплощения которой была использована иконография Афины) и, вероятно, божество Шахревар на монетах кушанского правителя Хувишки (ок. 150—190) (Rosenfield 1967: pl. IX: 184, pl. X: 189, 191; Göbl 1984: Taf. 18, 239, Taf. 21, 288; zeno.ru: #78569). Что касается «трилистника», то это, скорее, алтарь с языками пламени.

квартала Ж, состоявшего из четырех помещений (пом. 16—19), хангул имел особое значение. Еще один оттиск этой же круглой печати с Кампыртепа, хранившийся в фондах Термезского областного краеведческого музея, опубликован И.Т. Батыровым и К.А. Шейко. К сожалению, они не снабдили свою статью иллюстрацией, но дали следующее описание: «На другом фрагменте венчика от хума также имеется штамп в виде круга (д — 2,6 см), в центре которого изображен олень с ветвистыми рогами и подогнутыми коленями. Перед ним расположена ветка. Край круга подчеркнут линией с косыми насечками» (Батыров, Шейко 2001: 27). Без сомнений, речь идет об оттиске с той же самой печати; этот фрагмент хума был найден в помещении 13 в блоке 5 (раскоп КТР-5) в восточной части крепости. Этот же оттиск дважды упоминает О. Цепова (Цепова 1999: 99; 2000: 113). Таким образом, на Кампыртепа оттиск данной печати встречен уже трижды.

Другое копытное животное фигурирует на хуме, фрагмент которого был найден при раскопках переулка в восточной части крепости. Этот переулок («улица-2», как именуют его авторы публикации) ограждал так называемый «квартал-блок № 5» с севера (Шейко 2000: 75—96; Шейко, Никитенко 2001: 32—33, рис. 5: 3, фото 3, 4). Здесь из слоя с монетами Канишки I (ок. 127—150) извлечен фрагмент венчика хума с двумя оттисками (рис. 5). На оттиске овальной формы размером 24 × 19 мм вытянутая по горизонтали композиция в обрамлении из коротких насечек, которую первые публикаторы назвали сценой «гона хищником оленя» (Шейко, Никитенко 2001: 33). Хищник изображен вскочившим на спину копытного (рис. 6). Головой он напоминает собаку, но имеет изогнутый хвост хищника кошачьей породы. Поэтому, учитывая способ охоты, назовем его леопардом. Что касается копытного, то судя по форме рогов и по общему облику это, конечно же, не олень, а антилопа, конкретнее, джейран. И леопард (Panthera pardus tullianus Valencienus; *qoplon*, *bars* на узб. яз.), и джейран (*Gazella subgutturosa Güld.*, *jayron*, *qoraquyruq* на узб. яз.) обитали в Сурхандарьинской области еще не так давно — во второй половине XX в., а в древности, полагаю, были обычными представителями местной фауны Бактрии.

Слева от данного оттиска, на расстоянии 7 мм, расположен оттиск овальной печати размером 22.5 × 18.5 мм с вертикальной композицией, в которой, в обрамлении из коротких насечек, представлены мужчина и женщина (рис. 7). Он в головном уборе (?), имеет бородку клинышком, в коротком перепоясанном кафтане и в узких штанах (ноговицах?), стоит фронтально, повернув к своей спутнице лицо. Она в приталенном длинном платье, стоит повернув лицо к мужчине, который выше ростом, ее правая рука лежит на его плече. Если на первой печати мы видим популярную с древнейших времен сцену терзания, имевшую, как полагают, глубокую символику, связанную и с культом умирающей и воскресающей природы, и с астрономическими представлениями, то на второй печати представлены персонажи, в позах которых передано их явное взаимное расположение.

Другой пример употребления двух разных печатей для маркировки венчика одного хума найден автором в 2003 г. при раскопках так называемой «Секции свастик» — двухкомнатного домовладения в восточной половине квартала Е. В помещении 1 были расчищены три хума, разбитые в древности, на их плечиках были до обжига вырезаны тамги в виде свастики (см. ниже), а на венчике одного из них (хум № 1) были рядом оттиснуты две печати (Ильясов 2006: 75, рис. 11, рис. 13: 1, 2). В отличие от предыдущего хума с парой печатей, здесь они оттиснуты более небрежно, без учета верха и низа сосуда, да и сами печати, по-видимому, были выполнены менее искусно (рис. 8). На одном из оттисков (18 × 15 мм) в обрамлении из зубчиков изображен повернутый влево персонаж с крыльями за спиной, держащий в руке ветвь и условно названный нами Эротом (рис. 9). Слева на расстоянии 48 мм сделан оттиск другой печати (19 × 16 мм), получившийся менее четким. Можно разобрать, что изображены мужчина и женщина, по-видимому, в эротической позе (рис. 10). Композиция в целом близка к изображению на глиняной булле, на которой оттиснута круглая печать (диаметром 30 мм) с эротической сценой. Булла найдена в 2015 г. на раскопе в юго-восточной части «цитадели» Кампыртепа и опубликована Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе 2017: 67—68, рис. 38). Он видит в участниках действа двух мужчин; по нашему мнению, в сцене фигурируют

женщина в длинной юбке и мужчина, от полноты чувств дующий в трубу (рис. 11). Э.В. Ртвеладзе, по косвенным признакам, датирует свою находку эллинистическим периодом, наш хум датируется временем Канишки I, то есть, намного более поздним временем. Можем предположить, что более ранняя печать послужила прототипом для более поздней, тем более что в деталях, которые можно различить на нашем не совсем четком оттиске, имеются отличия. Как всегда, остается уповать на новые находки, которые, возможно, помогут лучше разобраться в этом вопросе. Теоретически, на Кампыртепа возможны находки и самих печатей, так как хумы, несомненно, изготовлялись и обжигались на месте.

Еще одна, по всей вероятности, эротическая сцена имеется на оттисках круглой печати, встреченных на венчиках двух хумов. Первый из них, найденный в помещении 13 (вместе с фрагментом, на котором оттиснут олень) на раскопе КТР-5 в восточной части крепости, уже публиковался с подробным описанием и иллюстрацией (Шейко 2000: 89, 96, рис. 9; Батыров, Шейко 2001: 26). Второй фрагмент хума с оттиском той же печати на венчике найден автором в 2013 г. в помещении 17 квартала Ж в северо-западной части крепости, он лежал у порога в проходе в помещение 16. Диаметр оттиска 27 × 25 мм. В сцене, заключенной в обрамление из мелких узких треугольников, помимо двух персонажей, задействованы табурет, на который опирается дама и некий круглый предмет с зубчиками по периметру, который она одной рукой передает второму участнику сцены (рис. 12). Что это — венок, бубен, трещотка, щит, «солярный символ» — остается пока непонятным. Атрибуты, фигурирующие в данных эротических сюжетах, т.е. труба и неопознанный круглый предмет, указывают на то, что на кампыртепинских печатях представлено, скорее всего, не просто приятное времяпровождение, но действия, связанные с какими-то оргиастическими ритуалами, входящими в круг культов плодородия[5]. Легенды, в которых сохранились отголоски подобных местных ритуалов, собрал и опубликовал этнограф-любитель Ш. Устаев. Речь в них идет о городище Кампыртепа и других руинах и развалинах, когда-то находившихся по соседству (Устаев 2000: 139—142).

Обращает на себя внимание тот факт, что на оттисках двух разных круглых печатей, а именно, печати с оленем (найдено три оттиска, рис. 2 и 3) и печати с эротической сценой (найдено два оттиска, рис. 12) совпадают размеры — максимальный диаметр 26—27 мм, — а также оформление края рельефным ободком с наклонными треугольниками. Пока сложно говорить об их изготовлении в одной мастерской, но общий стиль оформления прослеживается. Нужны новые находки с Кампыртепа и других кушанских памятников Бактрии, то есть, накопление материала и его сравнительный анализ. Часть овальных печатей (рис. 6, 7, 9) также имеет сходство в оформлении.

Идентичные оттиски с оленем и с эротической сценой (рис. 2, 3 и 12), найденные и в восточной, и в северо-западной частях крепости, могут свидетельствовать о том, что не только представители одного клана, но и один и тот же человек — владелец печати — мог обладать имуществом в двух разных частях крепости. Это позволяет усомниться в том, что разделение крепостной застройки на два сектора — восточный и западный — связано с разделением «по родам, этносам или религиозным верованиям» (Ртвеладзе 2012: 199)[6].

---

[5] Впрочем, относительно сюжетов кампыртепинской глиптики возможны и другие трактовки, не связанные с культовой символикой. Например, известны украшавшие керамические сосуды медальоны с рельефными эротическими сценками, культово-ритуальный характер которых довольно сомнителен. Эти изделия датируются первыми веками н.э. и происходят из провинциальных мастерских, располагавшихся в римской Галлии, в долине реки Рона. Иногда в этих сценах в руках у партнеров имеются различные атрибуты, например, у женщины — зеркало, или щит и меч, а у мужчины — ритон, или венок и пальмовая ветвь. Некоторые из сцен снабжены надписями, содержание которых позволяет говорить о юмористическом характере представленных на них фривольных композиций (Clarke 2009: 140—142, 145, 148—149, 162, Abb. 95, 95—1, 98, 101, 102). Так что обладателем кампыртепинских печатей могли быть как «жрецы культа плодородия», так и, допустим, владельцы увеселительных заведений. Наличие таковых заведений в крепости у переправы, где на отдых останавливались караваны, следовавшие в столичный город Бактры, расположенный в двух дневных переходах (60 км) строго на юг, вполне вероятно.

[6] Ср. также мнение С.Б. Болелова, который обращает внимание на четкое разделение «нижнего города» центральной улицей на две почти равные части: восточную и северную. Он упоминает древнейшие представления

Резные знаки-тамги

Другой вид украшения или, говоря точнее, маркировки хумов — тамги, вырезанные на плече сосуда до обжига. На хумах Кампыртепа пока известны пять подобных знаков — свастика с вариантами (встречена не менее 8 раз) (рис. 13: А, Б), *г*-образный знак с вариантами (три образца) (рис. 13: В—Д), знак в виде W (два образца) (рис. 14: А), сдвоенный по вертикали знак в виде W (два образца) (рис. 14: Б), а также знак в виде заглавной греческой альфы (два образца) (рис. 15: А, Б). Тамги на кампыртепинских хумах подробно рассмотрены нами в предыдущих публикациях (Ильясов 2006: 75—76; 2019: 117—129, рис. 4, 5; Ilyasov 2010: 214—220, figs. 1—3, 7—14), здесь укажем лишь, что они, видимо, были владельческими знаками и относились к кланам, к которым принадлежали заказчики. В одном случае, свастика на хуме сочетается с двумя оттисками печатей на венчике (хум № 1 из «Секции свастик», см. выше), в другом — на венчике хума с альфой помещены три оттиска, к сожалению, не четкие (хум из помещения 16, см. выше). То есть, в некоторых случаях хумы имеют сразу несколько видов маркировки.

Что могло означать сочетание на одном сосуде владельческой тамги и печати (или двух разных печатей)? Теоретически, на хуме могут вырезать личную или родовую тамгу заказчика, а также оттиснуть его печать или печати (его и его супруги?). Подразумевала ли подобная двойная-тройная маркировка особое предназначение данного сосуда? Скажем, именно в сосуде, помеченном оттиском печати, могли хранить что-то особенное, скажем, не воду, как в остальных, а вино. Или особый сорт вина. Что, в таком случае, означают оттиски двух разных печатей на одном хуме? Может быть, они показывают, обладатели каких именно печатей имеют право вскрывать и затем опечатывать данный хум, то есть, пользоваться время от времени его содержимым[7]. Однозначно ответить на данные вопросы пока сложно[8]. Во всяком случае, ни тамги, ни оттиски печатей не являются, на наш взгляд, знаками гончаров, изготовивших хумы.

Тот факт, что хумы со свастикой найдены не в одном, а в нескольких домовладениях из разных кварталов Кампыртепа, говорит о том, что на хумах, видимо, проставляли не личные, а клановые тамги, поскольку представители одного клана могли жить в разных частях крепости.

Рисунки

Один из упомянутых выше двух хумов, на венчиках которых оттиснута печать с оленем, был найден в мае 2016 г., при разборке бровки в помещении 16 квартала Ж. У данного хума есть еще одна примечательная особенность — рисунок, украшающий его плечо. Рисунок размером

о дуальной организации общества в виде деления на две экзогамные фратрии, но все же заключает, что «нет никаких оснований напрямую связывать двухчастную структуру "нижнего города" Кампыртепа» с данными представлениями и что строители, видимо, придерживались при планировке крепости ранней градостроительной традиции (Болелов 2014: 130—131). Полагаю, что четкое разделение внутренней застройки Кампыртепа объясняется гораздо проще: во-первых, особенностями рельефа застраиваемой территории, а во-вторых, тем фактом, что разделяющая две основные части жилой застройки улица вела к единственному входу в крепость с севера, и именно потому была центральной. Следует отметить, что Э.В. Ртвеладзе и С.Б. Болелов в момент подготовки своих статей не могли знать о наличии входа в крепость, расположенного в башне № 3, от которой и идет в южном направлении центральная улица, так как этот факт был выяснен в ходе наших работ летом 2012 г., а отчет был опубликован лишь в 2016 г. (Ильясов и др. 2016: 160, 163, 171, рис. 9—11).

[7] В 2011 г. при раскопках С.Б. Болелова в юго-восточной части «цитадели» Кампыртепа землянки, отнесенной им к первому строительному горизонту (период КТ-I), были расчищены найденные годом раньше хумы (Болелов 2014: 80—81, рис. 2; Болелов 2018: 12, рис. I/3: А, Б, Г). На двух из них сохранились «крышки», сделанные из слоев камыша, обмазанных глиной. На одной из обмазок сохранился оттиск печати, которая фиксировала момент закрытия хума и должна была, надо полагать, защитить его содержимое от несанкционированного использования.

[8] В.Н. Пилипко упоминает хум, найденный на раскопках парфянского сельского поселения I в. до н.э. — I в. н.э. в Геоктепинском районе Туркменистана. На хуме до обжига были нанесены процарапанные изображения двух ладоней с растопыренными пальцами и двенадцать оттисков четырех печатей. Оттиски печатей и изображения были нанесены, по мнению В.Н. Пилипко, с какой-то магической целью (Пилипко 1968: 37).

12 × 12 см, выполненный до обжига ангобом коричневого цвета, представляет собой изображение мужской головы в профиль (рис. 16). Он нанесен, вероятно, кистью, уверенными движениями, и показывает круглоголового большеглазого человека с крупным прямым носом. Лоб низкий и выпуклый, бровь высоко поднята, губы поджаты, подбородок слегка выступает вперед. Ухо с отвисшей мочкой посажено необычайно низко; волосы показаны парой штрихов, что, вероятно, должно означать, что персонаж лысоват, или не обладает пышной шевелюрой. В целом, его облик производит впечатление шаржа. «Портрет» нарисован макушкой в сторону дна хума, то есть, рисовали его, надо полагать, когда хум, готовый к обжигу, стоял дном вверх. Рисунок выполнен буквально несколькими линиями, нанесенными твердой рукой профессионала. Это подтверждает еще одна находка, сделанная автором на том же раскопе в 2013 г. Тогда также был найден разбитый хум, на котором был аналогичный портрет, однако из-за того, что часть сосуда с лицом персонажа не сохранилась, понять, что именно здесь изображено было невозможно (рис. 17). Теперь мы знаем, что это был еще один профиль, выполненный той же рукой. Подобные рисунки, кажется, еще не встречались на кушанской керамике, хотя у соседей Кушан — в Парфии — такая находка, датированная II—I вв. до н.э., известна — это рисунок, изображающий лицо бородатого мужчины *en face* на керамическом сосуде с Мансур-Депе (Кошеленко, Пилипко 1968: 34, рис. 18; Кошеленко 1977: 150, 175, илл. 76). Примечательно, что буквально в трех десятках метров к западу, при раскопках В.П. Никоноровa в 1989 г. соседнего квартала Кампыртепа, им был найден костяной гребень с уникальным декором (Никоноров 2000а: 131—138, рис. 2: а, б; Никоноров 2000б: 165—171). Уникальность декора, помимо его несомненных художественных достоинств в том, что, в отличие от массы других костяных предметов, данный гребень украшен не резьбой, а миниатюрными монохромными рисунками: портретом юной красавицы и изображением провозвестника зари — петуха (Ilyasov, Bolelov 2023: 217, 389, Abb. 8, Kat.-Nr. 279). Среди многочисленной резной кости Беграма (Афганистан) I в. н.э. имеются образцы с полихромным декором, однако, краски всегда использованы как дополнение к резьбе (Cambon 2007: 254—255, Nos. 192, 193). Слой, в котором найден гребень, датирован В.П. Никоноровым второй половиной I в. н.э. (Никоноров 2000а: 13), однако, если исходить из того, что он при датировке основывался на находках монет Сотера Мегаса и Вимы Кадфиза, и ориентироваться на даты правления этих царей, предложенные недавно [ок. 90—113 для Сотера Мегаса/Вимы Такто и ок. 113—127 для Вимы Кадфиза (Errington, Curtis 2007: 253)], дату гребня можно сдвинуть в пределы конца I — первой четверти II в. н.э. Несколько отвлекаясь от основной темы отметим, что значение данного гребня для истории искусства и его самое непосредственное отношение к Бактрии В.П. Никоноров раскрыл в своих публикациях вполне логично и убедительно (Никоноров 2000а: 131—138; Никоноров 2000б: 165—171). Поэтому, отнесение гребня к Индии или Бактрии в подписи к иллюстрации (Ртвеладзе 2012: 198), представляется нам не совсем корректным. Среди аргументов, приведенных В.П. Никоноровым в пользу именно бактрийского происхождения рисунков на гребне еще в 2000 г. — иконография образа, ее облик, соответствующий многим другим местным женским изображениям, для которых характерна, в частности, такая деталь прически, как изящно изогнутый локон на щеках. Хотелось бы дополнить эти наблюдения еще одной любопытной аналогией: судя по великолепным настенным росписям, обнаруженным Ш.Р. Пидаевым в 2016 г. в буддийском культовом центре Каратепа в Старом Термезе (Пидаев 2016: 50, фото), бактрийской моде носить загнутые локоны на щеках следовали не только местные красавицы, но и некоторые вполне усатые мужчины (рис. 18).

Возвращаясь к нашей теме, мы видим, что в первой половине II в. н.э. даже в небольшой кушанской крепости могли работать профессиональные художники, местные или заезжие. Если гребень, как миниатюрное изделие, и мог быть привезен из какого-нибудь более крупного городского центра Бактрии, то дальняя транспортировка хумов совершенно исключена, поэтому художник — мастер дружеского шаржа — без всяких сомнений бывал на Кампыртепа и водил дружбу с местным мастером-гончаром, изготовителем хумов, которого, может быть, он и изобразил на паре-тройке корчаг. Творчество бактрийских художников эпохи Кушан хорошо известно по настенным росписям, открытым в ходе археологических

раскопок на памятниках Южного Узбекистана: Халчаяне, Дальварзинтепа, Фаязтепа, Каратепа. Они изучены и вошли в ряд обобщающих работ выдающихся исследователей среднеазиатского искусства Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля (Пугаченкова 1979: 81—82, 161—162; Пугаченкова, Ремпель 1982: 102—148), об особенностях буддийской и небуддийской живописи Бактрии-Тохаристана пишет Т.К. Мкртычев (Мкртычев 2002: 199—222). К новейшим открытиям в этой отрасли искусства относятся упомянутые выше росписи из Каратепа (Пидаев 2016: 45—51). Вся эта живопись относится к монументальным формам; их можно также назвать элитным искусством, украшавшим храмы, дворцы и дома богатых горожан. Находки с Кампыртепа — гребень и рисунки на хумах — дают представление о существовании и другого жанра изобразительного искусства — монохромного рисунка на предметах обихода. В случае с гребнем это рисунок миниатюрный, изысканный по своей тонкости и художественным достоинствам, на хумах же мы видим своего рода искусство для простолюдинов, также порой не чуждых прекрасного. Будем надеяться, что накопление подобного материала, начатое с кампыртепинских находок, позволит со временем вписать новые главы в историю искусства Бактрии эпохи Кушан.

Надписи и знаки тушью

В дополнение к данным о декоре хумов укажем, что изредка встречаются рисунки и надписи, выполненные после обжига сосуда, в процессе его использования. Такими «вторичными» элементами можно назвать, например, надпись из двух греческих букв, альфы и дельты (АΔ), на одном из хумов из помещения 1 четырехкомнатного домовладения 2 в квартале Е, нанесенную черной тушью (рис. 19). Надпись выполнена лапидарным письмом, перекладина альфы не в виде прямой горизонтальной черты, а в виде «галочки», совершенно так же, как на тамгах, упомянутых выше. Подобное написание альфы известно на золотых и бронзовых монетах Канишки I с греческими легендами и изображением божеств Анемоса, Гелиоса, Гефеста, Нанайи и Селены. Как известно, именно при Канишке I произошел переход от греческого языка к бактрийскому, что отразилось в монетных легендах и, надо полагать, во всем делопроизводстве (Зеймаль 1983: 191). Не исключено, что надпись на хуме — греческая. Возможно также, что эти буквы — цифровое обозначение, имеющее отношение к объему сосуда, или его содержимому. Числовое значение альфы — 1, дельты — 4, таким образом мы имеем число 14.

В другом случае на хуме № 1 из «Секции свастик», помимо тамги в виде свастики и двух оттисков печатей, имелось два знака, нанесенных черной тушью: треугольник вершиной вниз и Г-образный знак, расположенный на некотором расстоянии от первого.

На тулове хума № 3 из того же помещения имеется вторая свастика, довольно грубо процарапанная после обжига. Кто-то явно постарался воспроизвести тамгу, уже имевшуюся на сосуде, и сделано это было, скорее всего, уже в то время, когда хум находился в домовладении. Нельзя исключить и того, что здесь мы имеем дело с детским творчеством.

Штампы и резьба

Еще один тарный сосуд, декор которого хотелось бы здесь упомянуть, можно, исходя из размеров, назвать хумча. Она красноглиняная, двуручная, имеет округлый корпус и валикообразный венчик (Ilyasov, Bolelov 2023: 214, Abb. 3). Диаметр устья 31 см, сохранившаяся высота 27 см. Под венчиком в сырой глине до сушки и обжига были проделаны 4 отверстия диаметром 6-7 мм (сохранилось 2). Широкогорлые двуручные сосуды — частая находка в кушанский слоях Кампыртепа, они варьируют в размерах и форме, снаружи часто бывают украшены штампованным и резным узором, расположенным в 1—3 ряда (Цепова 2000а: рис. 2: 1, 6, рис. 3: 12, 13, рис. 5: 9, 10; Цепова 2001: рис. 3, 6, табл. 1). Характерные отверстия под венчиком говорят о том, что эти корчаги и горшки предназначены, скорее всего, для заквашивания молока: сосуд закрывали плотной крышкой, предохранявшей

содержимое от загрязнения, попадания в него насекомых и т.п., а газы, образовывавшиеся в процессе брожения, выходили через упомянутые отверстия. С.Б. Болелов относит такую керамику к категории хозяйственной посуды и отмечает, что орнаментировались, в основном, хозяйственные сосуды, использовавшиеся при хранении и переработке продуктов питания, что, возможно, связано с идеологическими представлениями (Болелов 2002: 44, 58).

Это наблюдение можно напрямую связать с публикуемой корчагой, найденной в 2008 г. в помещении 4 домовладения 3[9] — она, несомненно, была хозяйственным сосудом, и при этом является, пожалуй, наиболее богато украшенной из всей известной нам аналогичной посуды. Ее плечевая часть охвачена пятью рядами декоративных элементов (рис. 20). Верхний ряд — оттиски круглого штампа с зернистым заполнением, второй ряд — штампы с трехконечным знаком (трискеле), третий ряд — прочерченная по сырой глине волнистая линия, четвертый ряд составляют оттиски штампа с пальметтой (древом), пятый, самый нижний ряд представляет собой рельефные треугольники, вырезанные по сырой глине. Под верхним рядом декора идет узкий рельефный выступ, под остальными четырьмя рядами прочерчены горизонтальные линии. На фрагменте хумчи, опубликованном О. Цеповой, представлены верхние три ряда украшений, как на нашем сосуде; возможно, это была аналогичная корчага, изготовленная тем же мастером, фрагмент был найден на цитадели (Цепова 2001: рис. 3, справа, табл. 1: 1).

При желании, в декоре нашей хумчи можно усмотреть символику, связанную с землей (треугольники), растительностью (пальметты), водой (волнистая линия), небом и небесными светилами (трискеле и круги с точками). Однако насколько такие интерпретации соответствуют истине, сказать очень сложно.

Заключение

Таким образом, опубликованные нами материалы с Кампыртепа дополняют наши знания о декоре кушанской тарной посуды периода царя царей Канишки I (127—150).

Изучение знаков интересно с точки зрения этнической истории, поскольку знаки на хумах — это, как правило, владельческие тамги, то есть личные, родовые или клановые знаки собственности, по которым можно проследить исторические связи, пути перемещения тех или иных племен и народов и т.д. Поскольку хумы — изделия тяжелые, громоздкие и хрупкие, их не могли перевозить на большие расстояния, следовательно, если хум с изображением той или иной тамги найден, скажем, на Кампыртепа, то обладатель данной тамги (= заказчик хума) именно здесь и жил. То есть, можно уверенно ее локализовать и заниматься выявлением связей: семейных, этнических, историко-культурных.

Оттиски печатей, в свою очередь, дают возможность изучать глиптику и сфрагистику Бактрии кушанского периода. Хотя печати с резными камнями, или цельнометаллические печати[10], могли быть привозными, оттиски на хумах, опять-таки, свидетельствуют о том, что использовали их непосредственно на месте. А значит, известные нам оттиски дают объективное представление о печатях, которыми владели и пользовались жители небольшой кушанской крепости во второй четверти II в. н.э.

Большой интерес представляют впервые выявленные нами на бактрийских хумах кушанской поры рисунки. Эти «портреты» свидетельствуют, во-первых, о несомненном присутствии в крепости на Оксе художника, местного или заезжего, ведь о том, что рисовал профессионал говорят, как указано выше, четко и уверенно выполненные линии рисунка. А, во-вторых, они носят явно юмористический характер. Понятно, что жителям кушанской

[9] Это домовладение, вместе с расположенным с запада домовладением 2, отнесены к кварталу Е условно, поскольку обе эти четырехкомнатные секции имеют выходы не в переулки, а в галерею (или «военную улицу»), проходящую к северу от них.

[10] Круглая бронзовая печать с изображением птицы, диаметром 23 мм, была найдена автором при работах на крепостной стене Кампыртепа (Ильясов 2006: 81, рис. 9: 5, рис. 32).

Бактрии чувство юмора было присуще, как и всему человечеству, но отражение этого в искусстве на материалах из Бактрии — практически неизвестно.

Изучение декора бактрийской керамики и его семантики по материалам Кампыртепа было в свое время начато О. Цеповой (Цепова 1999: 96—100; 2000а: 107—122; 2000б: 179—182; 2001: 101—112), но, к сожалению, не получило продолжения. Автор надеется, что поиск, изучение и публикация новых материалов будут способствовать дальнейшему развитию и обобщению исследований по данной теме.

Как показали находки Ш.Р. Пидаева на Каратепа в Старом Термезе, изредка тарная посуда могла иметь чрезвычайно богатый декор. Речь идет о найденных и опубликованных им фрагментах хумов с рельефными дионисийскими сценами, выполненными в технике оттискивания в специальных формах (Pidaev, Kato 2002: 25, 27, Nos. 33, 37; Пидаев 2014: 7—24. 195)[11]. Полагаем, что приведенный нами обзор более скромных, но не менее интересных декоративных элементов, украшавших тарную керамическую посуду и происходящих только с одного небольшого кушанского памятника на юге Узбекистана, показывает и информативность, и перспективность данного направления исследований с точки зрения археологии и истории искусства Кушанской Бактрии.

Литература

Акишев А. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Батыров И.Т., Шейко К.А. 2001. Археологические находки из Кампыртепа в фондах Сурхандарьинского областного краеведческого музея. В: Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. (ред.). *Древняя и средневековая культура Сурхандарьи*. Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 25—30.

Болелов С. 2002. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000—2001 годов). *МТЭ* 3, 41—66.

Болелов С.Б. 2005. Кушано-бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа. В: Никоноров В.П. (отв. ред). *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 71—74.

Болелов С.Б. 2006. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000—2002 годов). *МТЭ* 6, 15—80.

Болелов С.Б. 2014. Кампыртепа — античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология. *Scripta Antiqua* III, 75—132.

Болелов С.Б. (отв. ред.). 2018. *Кампыртепа — кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования 2001—2010 гг.* Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Зеймаль Е.В. 1983. *Древние монеты Таджикистана*. Душанбе: Дониш.

Ильясов Дж.Я. 2006. Раскопки в Нижнем городе у башни № 7. *МТЭ* 5, 73—104.

Ильясов Дж.Я. 2013. Керамическая печать времени Канишки I с городища Кампыртепа в Южном Узбекистане. В: Синицын А.А., Холод М.М. (ред.). *KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В.П. Никонорова от друзей и коллег*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 128—132.

Ильясов Дж. 2016. Произведения прикладного искусства из Кушанской Бактрии. *San'at. Журнал Академии художеств Узбекистана* 3 (72), 16—19.

Ильясов Дж.Я. 2019. Тамги Бактрии / Тохаристана. В: Сулейманов Р.Х. (отв. ред.). *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ, 89—136.

Ильясов Дж.Я., Горин А.Н., Шейко К.А. 2016. Археологические работы на крепостной стене городища Кампыртепа (по материалам раскопок 2012 г.). *АИУз* 10. Самарканд: Институт археологии, 159—172.

Кошеленко Г.А. 1977. *Родина парфян*. Москва: Советский художник.

Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н. 1968. Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы. *КД* 2, 30—35.

Красная книга Узбекской ССР. 1983. Т. 1. *Позвоночные животные*. Ташкент: Фан.

[11] Ш.Р. Пидаев датирует свои находки второй половиной III — началом IV в., то есть, кушано-сасанидским временем, но при этом матрица с дионисийскими сценками, использованная для украшения хумов, была изготовлена, по его мнению, не позже II-I вв. до н.э. (Пидаев 2014: 21—22).

Мкртычев Т.К. 2002. *Буддийское искусство Средней Азии (I—X вв.)*. Москва: Академкнига.
Никоноров В. 2000а. Уникальный гребень из Кампыртепа. *МТЭ* 1, 131—138.
Никоноров В.П. 2000б. Некоторые результаты раскопок Бактрийской экспедиции на городище Кампыр-тепе: памятники искусства. В: Березкин Ю.Е. (отв. ред). *Взаимодействие культур и цивилизаций*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 160—176.
Пидаев Ш.Р. 2013. Новые находки гемм и их оттисков с городища Старый Термез. *РА* 3, 57—65.
Пидаев Ш.Р. 2014. Изображение дионисийской сцены из Каратепа. В: Пидаев Ш.Р. (отв. ред.). *Материалы по художественной и духовной культуре Узбекистана*. Ташкент: Издательство журнала San'at, 7—24.
Пидаев Ш. 2016. Настенная живопись в буддийском храме на Каратепа. *Фан ва турмуш* 3-4. Ташкент, 45—51.
Пилипко В.Н. 1968. Раскопки парфянского сельского поселения в Геоктепинском районе. *КД* 2, 36—38.
Пугаченкова Г.А. 1979. *Искусство Бактрии эпохи Кушан*. Москва: Искусство.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. 1982. *Очерки искусства Средней Азии*. Москва: Искусство.
Ртвеладзе Э. 2001. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году. *МТЭ* 2, 3—11.
Ртвеладзе Э.В. 2005. К истории Кампыртепа (Александрии Оксианской). В: Никоноров В.П. (отв. ред). *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 189—190.
Ртвеладзе Э.В. 2012. *Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
Ртвеладзе Э. 2017. Кампыртепа — Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. — I в. до н.э.). *МТЭ* 10.
Устаев Ш. 2000. Легенды о Кафиршахаре. *МТЭ* 1, 139—142.
Цепова О. 1999. Бактрийская декорированная керамика с Кампыр-тепе. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Изучение культурного наследия Востока*. Санкт-Петербург: Европейский дом, 96—100.
Цепова О. 2000а. Декорированная керамика Кампыртепа. *МТЭ* 1, 107—122.
Цепова О. 2000б. Культовая цилиндроконическая чаша с налепами с Кампыртепа. В: Иневаткина О.Н. (отв. ред.). *Средняя Азия. Археология. История. Культура*. Москва: Пересвет, 179—182.
Цепова О. 2001. Керамика со штампованным орнаментом из Кампыртепа. *МТЭ* 2, 101—112.
Шейко К. 2000. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа. *МТЭ* 1, 75—96.
Шейко К., Никитенко Г. 2001. К изучению квартала-блока № 5 на Кампыртепа. *МТЭ* 2, 31—46.
Clarke J.R. 2009. *Ars erotica*. Darmstadt: Primus Verlag.
Errington E., Curtis V.S. 2007. *From Persepolis to the Punjab*. London: The British Museum Press.
Farkas A. 2000. Filippovka and the Art of the Steppes. In: Aruz J., Farkas A., Alekseev A., Korolkova E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York: Metropolitan Museum of Art.
Göbl R. 1984. *System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
Cambon P. (ed.). 2007. *Hidden Afghanistan.* Exhibition catalogue. Amsterdam: Museumshop De Nieuwe Kerk.
Ilyasov J. 2010. Nomad Heritage: Kushan Tamga-signs from Southern Uzbekistan. In: Pim J.E., Yatsenko S.A., Perrin O.T. (eds.) *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 213—225.
Ilyasov Dj., Bolelov S. 2023. Kampyrtepa zur Zeit der Kuschan. In: Nawroth M., Wemhoff M. (Hrsg.). *Archäologische Schätze aus Usbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Ausstellunskatalog. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
Pidaev Sh., Kato K. 2002. *New Finds of Uzbek Archaeology*. Osaka: Toho Shuppan.
Rosenfield J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
zeno.ru: #78569: Kushan, AV Dinar, Huvishka, PIÞTO. URL: https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=78569 (дата обращения 01.02.2025).

References

Akishev, A. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and Mythology of the Sakas)*. Alma-Ata: Nauka (in Russian).
Batyrov, I.T., Sheyko, K.A. 2001. In: Rtveladze, E.V., Pidayev, Sh.R. (eds.). *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura Surkhandar'i (Ancient and Medieval Culture of Surkhandarya)*. Tashkent: Uzbekiston milliy entsiklopediyasi, 25—30 (in Russian).
Bolelov, S. 2002. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 3, 41—66 (in Russian).
Bolelov, S.B. 2005. In: Nikonorov V.P. (otv. red). *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov (Central Asia from the Achaemenids to the Timurids)*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 71—74 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2006. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 6, 15—80 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2014. In *Scripta Antiqua* III, 75—132 (in Russian).

Bolelov, S.B. (ed.). 2018. *Kampyrtepa — kushanskaya krepost' na Okse. Arkheologicheskiye issledovaniya 2001—2010 gg. (Kampyrtepa — a Kushan fortress on the Oxus. Archaeological research 2001—2010).* Moscow; Saint Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Zeymal', E.V. 1983. *Drevnie monety Tadzhikistana (Ancient coins of Tajikistan)*. Dushanbe: Donish (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya. 2006. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 5, 73—104 (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya. 2013. In: Sinitsyn, A.A., Kholod, M.M. (eds.). *KOINON DŌRON. Issledovaniya i esse v chest' 60-letnego yubileya V.P. Nikonorova ot druzey i kolleg (KOINON ΔΩΡΟΝ. Research and essays in honor of the 60th Anniversary of V.P. Nikonorov from friends and colleagues)*. Saint Peterburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 128—132 (in Russian).

Il'yasov, Dz. 2016. In *San'at*. *Zhurnal Akademii khudozhestv Uzbekistana (San'at. Journal of the Academy of Arts of Uzbekistan)* 3 (72), 16—19 (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya. 2019. In: Suleymanov, R.Kh. (ed.). *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: MITSAI, 89—136 (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya., Gorin, A.N., Sheyko, K.A. 2016. In *Arkheologicheskiye issledovaniya v Uzbekistane (Archaeological Research in Uzbekistan)* 10. Samarkand: Institut arkheologii, 159—172 (in Russian).

Koshelenko, G.A. 1977. *Rodina parfyan (The Homeland of the Parthians)*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Koshelenko, G.A., Pilipko, V.N. 1968. In *Karakumskiye drevnosti (Karakum Antiquities)* 2, 30—35 (in Russian).

Krasnaya kniga Uzbekskoy SSR *(Red Data Book of the Uzbek SSR)*. 1983. Vol. 1. *Pozvonochnye zhivotnyye (Vertebrates)*. Tashkent: Fan (in Russian).

Mkrtychev, T.K. 2002. *Buddiyskoe iskusstvo Sredney Azii (I—X vv.) (Buddhist Art of Central Asia (1st — 10th Centuries))*. Moscow: Akademkniga (in Russian).

Nikonorov, V. 2000a. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 131—138 (in Russian).

Nikonorov, V.P. 2000b. In: Berezkin, Yu.E. (ed). *Vzaimodeystviye kul'tur i tsivilizatsiy (Interaction of Cultures and Civilizations)*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 160—176 (in Russian).

Pidayev, Sh.R. 2013. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 57—65 (in Russian).

Pidayev, Sh.R.2014. In: Pidayev, Sh.R. (ed.). *Materialy po khudozhestvennoy i dukhovnoy kul'ture Uzbekistana (Materials on the Artistic and Spiritual Culture of Uzbekistan)*. Tashkent: Izdatel'stvo zhurnala San'at, 7—24 (in Russian).

Pidayev, SH. 2016. In Fan va turmush 3-4. Tashkent, 45—51 (in Russian).

Pilipko, V.N. 1968. In *Karakumskiye drevnosti (Karakum Antiquities)* 2, 36—38 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1979. *Iskusstvo Baktrii epokhi Kushan (Art of Bactria in the Kushan Period)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Pugachenkova, G.A., Rempel', L.I. 1982. *Ocherki iskusstva Sredney Azii (Essays on the Art of Central Asia)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Rtveladze, E. 2001. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 2, 3—11 (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2005. In: Nikonorov, V.P. (ed). *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov (Central Asia from the Achaemenids to the Timurids)*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 189—190 (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2012. *Velikiy indiyskiy put': iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii (The Great Indian Route: From the History of the Most Important Trade Routes of Eurasia)*. Saint Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Rtveladze, E. 2017. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 10 (in Russian).

Ustayevm Sh. 2000. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 139—142 (in Russian).

Tsepova, O. 1999. In: Masson, V.M. (ed.). *Izucheniye kul'turnogo naslediya Vostoka (Study of the cultural heritage of the East)*. Saint Peterburg: Evropeyskiy dom, 96—100 (in Russian).

Tsepova, O. 2000a. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 107—122 (in Russian).

Tsepova, O. 2000b. In: Inevatkina, O.N. (ed.). *Srednyaya Aziya. Arkheologiya. Istoriya. Kul'tura (Central Asia. Archaeology. History. Culture)*. Moscow: Peresvet, 179—182 (in Russian).

Tsepova, O. 2001. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 2, 101—112 (in Russian).

Sheyko, K. 2000. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 75—96 (in Russian).

Sheyko, K., Nikitenko, G. 2001. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 2, 31—46 (in Russian).

Clarke, J.R. 2009. *Ars erotica*. Darmstadt: Primus Verlag.

Errington, E., Curtis, V.S. 2007. *From Persepolis to the Punjab*. London: The British Museum Press.

Farkas, A. 2000. Filippovka and the Art of the Steppes. In: Aruz, J., Farkas, A., Alekseev, A., Korolkova, E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York: Metropolitan Museum of Art.

Göbl, R. 1984. *System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Cambon, P. (ed.). 2007. *Hidden Afghanistan.* Exhibition catalogue. Amsterdam: Museumshop De Nieuwe Kerk.

Ilyasov, J. 2010. Nomad Heritage: Kushan Tamga-signs from Southern Uzbekistan. In: Pim, J.E., Yatsenko, S.A., Perrin, O.T. (eds.) *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 213—225.

Ilyasov, Dj., Bolelov, S. 2023. Kampyrtepa zur Zeit der Kuschan. In: Nawroth, M., Wemhoff, M. (Hrsg.). *Archäologische Schätze aus Usbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Ausstellunskatalog. Berlin: Kulturverlag Kadmos.

Pidaev, Sh., Kato, K. 2002. *New Finds of Uzbek Archaeology*. Osaka: Toho Shuppan.

Rosenfield, J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

zeno.ru: #78569: Kushan, AV Dinar, Huvishka, PIÞTO. Available at: https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=78569 (accessed 01.02.2025).

Рис. 1. Оттиск печати со львом на стенке хума. Восточный отрезок «военной улицы» Кампыртепа..

Fig. 1. Seal impression with a lion on the wall of a large vessel (*khum*). Eastern section of the “military street” of Kampyrtepa.

Рис. 2. Оттиск печати с изображением оленя на венчике хума. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 2. Seal impression with a deer on the rim of a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 3. Оттиск печати с изображением оленя на венчике хума. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 3. Seal impression with a deer on the rim of a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 4. Керамическая печать с изображением оленя. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 4. Ceramic seal with a deer image. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 5. Венчик хума с двумя оттисками. Кампыртепа, блок 5, переулок.

Fig. 5. The rim of a *khum* with two impressions. Kampyrtepa, block 5, alley.

Рис. 6. Оттиск печати с изображением леопарда и джейрана.

Fig. 6. Seal impression with depictions of a leopard and a gazelle.

Рис. 7. Оттиск печати с изображением двух персонажей.

Fig. 7. Seal impression with depictions of two figures.

Рис. 8. Венчик хума с двумя оттисками. Кампыртепа, квартал E, «Секция свастик», пом. 1.

Fig. 8. The rim of a *khum* with two impressions. Kampyrtepa, block F, “Swastika Section,” room 1.

Рис. 9. Оттиск печати с изображением Эрота.

Fig. 9. Seal impression depicting Eros.

Рис. 10. Оттиск печати с изображением двух персонажей.

Fig. 10. Seal impression depicting two figures.

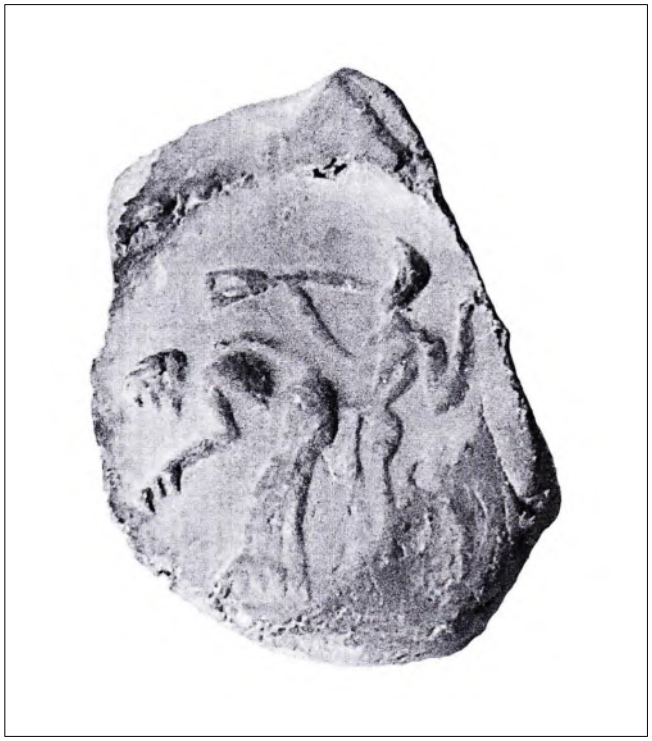

Рис. 11. Глиняная булла с оттиском печати. Кампыртепа, юго-восточный участок цитадели (по Ртвеладзе 2017: рис. 38)**.**

Fig. 11. Clay bulla with a seal impression. Kampyrtepa, southeastern section of the citadel (after Rtveladze 2017: fig. 38)**.**

Рис. 12. Оттиск печати с изображением двух персонажей. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 17.

Fig. 12. Seal impression depicting two figures. Kampyrtepa, block G, room 17.

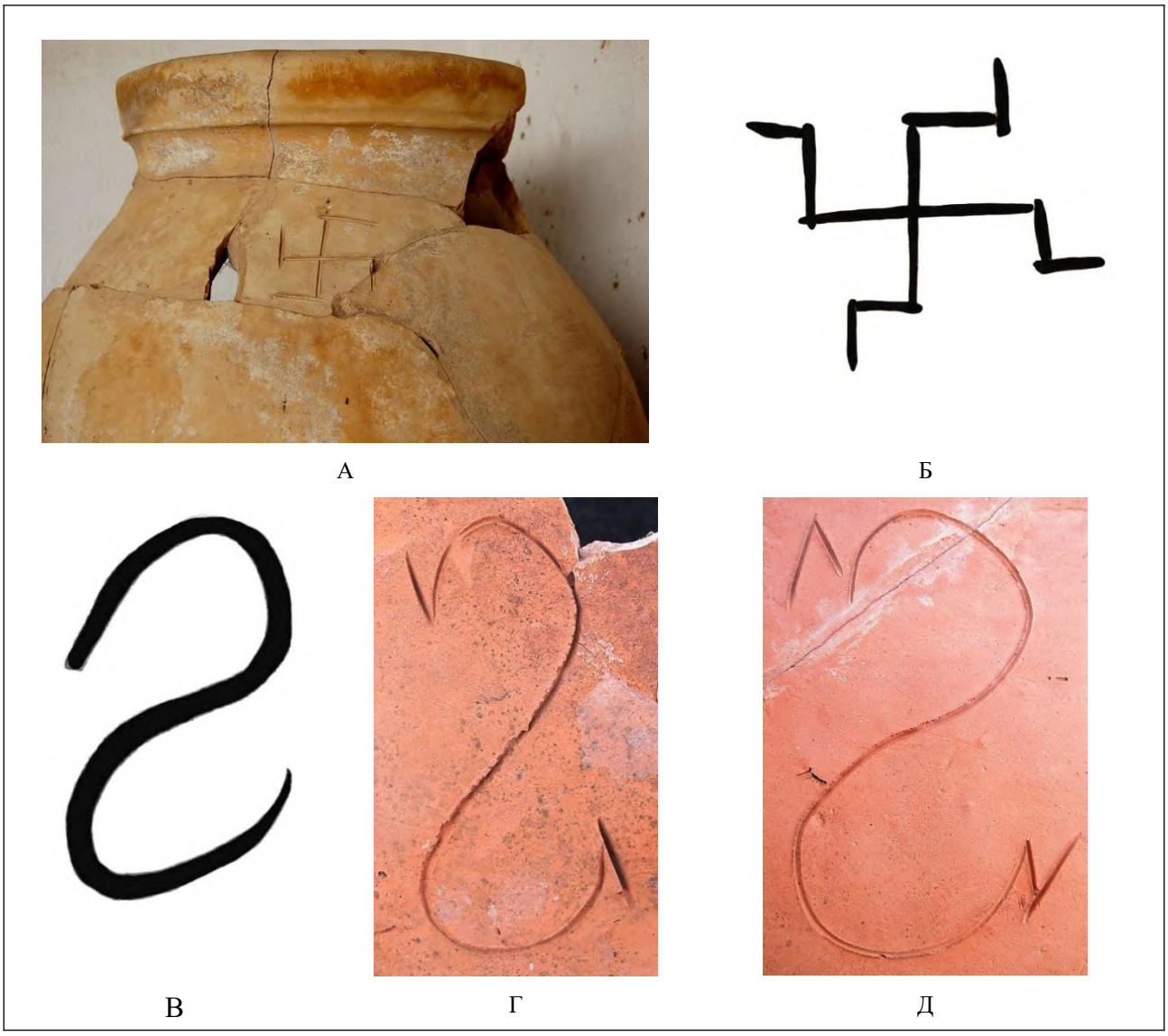

Рис. 13. Тамги на хумах в виде свастики (*А, Б*) и *г*-образного знака (*В—Д*).

Fig. 13. Tamgas on *khums* in the form of a swastika (*А, Б*) and a S-shaped sign (*В—Д*).

А Б

Рис. 14. Тамги на хумах в виде W (*А*) и сдвоенного W (*Б*).

Fig. 14. Tamgas on *khums* in the form of a W (*A*) and a double W (*Б*).

А Б

Рис. 15. Тамги на хумах в виде *альфы* (*А, Б*).

Fig. 15. Tamgas on *khums* in the form of an alpha (*A, Б*).

Рис. 16. Рисунок на хуме. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 16. Drawing on a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 17. Рисунок на хуме. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 17. Drawing on a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 18. Фрагмент настенной росписи, Каратепа в Старом Термезе (по Пидаев 2016: 50)**.**

Fig. 18. Fragment of a wall painting, Karatepa in Old Termez (after Pidaev 2016: 50)**.**

Рис. 19. Надпись на хуме. Кампыртепа, квартал E, домовладение 2, пом. 1.

Fig. 19. Inscription on a *khum*. Kampyrtepa, block F, house 2, room 1.

Рис. 20. Хумча со штампованным и резным декором. Кампыртепа, квартал E, домовладение 3, пом. 4.

Fig. 20. *Khumcha* with stamped and carved decoration. Kampyrtepa, block F, house 3, room 4.